

МЕСТО И РОЛЬ ИСЛАМА В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЗАКАВКАЗЬЯ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Сченснович В.Н.,
научный сотрудник, ИНИОН РАН
**МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ
(Аналитический обзор)**

DOI: 10.31249/rimm/2019.04.02

***Аннотация.** Исследователи критически оценивают источники статистической информации о миграции на Северном Кавказе, показывают, на какие из них стоит опираться при анализе ситуации в регионе, выявляют объективные сложности в получении достоверной информации. Дифференцированы главные по содержанию тренды миграционных потоков на современном этапе, внешняя и внутренняя миграции, определено их значение. Особое внимание уделено адаптации мигрантов на «принимающих территориях», а также этноконфессиональным отношениям.*

***Ключевые слова:** миграционные процессы; Северный Кавказ; переписи населения; численность населения; национальный состав; этноконфессиональные отношения; статистика миграции; миграция (внешняя и внутренняя); причины миграции; трудоизбыточные и трудодефицитные регионы; дифференциация миграционных потоков; адаптация мигрантов.*

Введение

Авторы статей ([1], [2], [3], [4]) обращаются к актуальной сегодня теме миграции населения. На Северном Кавказе миграционные процессы имеют свою специфику. Этот регион, подчеркивают исследователи, является одной из самых «проблемных» частей России с точки зрения надежности данных о составе насе-

ления, затрудняя планирование социальной политики в этом регионе. Недостоверная информация о миграции населения порождает неверные оценки численности населения регионов Северного Кавказа и отдельных их групп, что может вести к неоправданно высоким трансфертам из федерального бюджета, неэффективным тратам на социальную политику.

Статистика миграции на Северном Кавказе

В статье кандидата географических наук Н. Мкртчяна [3] (Институт демографии, НИИ ВШЭ, Институт географии РАН) критически оцениваются те источники статистической информации о миграции на Северном Кавказе, на основе которых осуществляется оценка масштабов этого явления. В частности, сомнению подвергнуты данные по миграции, полученные по итогам переписей населения 2002 и 2010 гг. в ряде республик. Показаны основные проблемы используемых при анализе миграции данных; их некорректность подтверждается как сравнением данных переписей и административных источников, так и выводами работ других исследователей. Наиболее надежные источники данных говорят о продолжающемся оттоке населения из региона. Отдельно рассматривается вопрос о достоверности данных муниципальной статистики.

Продемонстрировано, что анализ данных по муниципальным образованиям в большинстве регионов требует пересчетов, после которых вырисовывается необычная картина: «глубинка» Северного Кавказа (отдаленные сельские районы) в миграционном отношении схожа с аналогичными территориями других частей страны, а города и их пригороды имеют специфику – в отличие от других регионов, статистика не фиксирует их миграционный прирост. Анализ показывает, что это, скорее всего, связано с большой долей нерегистрируемой миграции в города. Этот феномен, известный и в России в целом, на Северном Кавказе усиливается из-за особенностей расселения мигрантов в его крупных городах.

Миграция в регионах Северного Кавказа (Северо-Кавказский ФО) имеет выраженные особенности. С одной стороны, миграция на Кавказе измерялась, особенно в годы этнополитических напряжений (осетино-ингушский конфликт в 1992 г., обе чеченские войны), десятками тысяч. Но именно здесь проживание веками в селах породило особую привязанность к родным местам.

Оба эти обстоятельства, осложненные несовершенством статистики, затрудняют изучение миграции в регионе. Н. Мкртчян оценивает надежность имеющихся источников и делает вывод о том, на какие из них лучше всего опираться, исследуя миграцию на Северном Кавказе. Этот вопрос актуален для планирования социальной политики как в самом СКФО, так и в тех регионах России, куда в последние десятилетия идет миграция северокавказского населения.

Информация о численности населения отдельных регионов России базируется на данных переписей населения – последней Всесоюзной (1989) и Всероссийских (2002, 2010), а также данных текущего учета населения. По результатам переписей, данные этого учета корректируются, пересчету подлежит миграционный прирост. Так как население России, по результатам переписи 2002 г., превысило расчетные данные на 1,8 млн, а по переписи 2010 г., – почти на 1 млн человек, эти корректировки велики. Однако население отдельных регионов, по данным переписи, «отклоняется» от расчетных цифр в большей мере, и регионы Северного Кавказа по масштабам несоответствий и необходимых корректировок занимают лидирующие позиции. Результаты постсоветских переписей вызывают у исследователей сомнения. По расчетам автора статьи, в ходе переписи населения 2002 г. «приписки» населения в Чечне, Ингушетии, Дагестане и Кабардино-Балкарии могли составить порядка 1 млн человек. Похожие необоснованные отклонения (820 тыс.) на дату переписи 2002 г. дает оценка динамики численности отдельных народов Северного Кавказа. Подвергаются сомнению данные переписи и в регионах: например, в Кабардино-Балкарии неточности переписи помешали оценить динамику населения в отдельных сельских поселениях и сдвиги в расселении. В 2010 г. основные проблемы были в Дагестане и Карачаево-Черкесии. Крупные нарушения можно выявить, сравнивая данные текущего учета и переписей, динамику численности представителей отдельных народов.

Основания, которые не позволяют доверять статистическим данным, базирующимся на результатах переписей в регионах Северного Кавказа, изложены исследователями. К их числу следует отнести объективную сложность организации и проведения переписи в регионах, переживших две волны экстренной миграции из Чечни в 1994–1996 и 1999–2000 гг. и последствия осетино-ингушского конфликта 1992 г. Учет перемещенных лиц в местах временного проживания велся плохо, что породило возможность их

двойного или даже тройного счета. Также влияли специфические проблемы учета населения в округе, связанные со следующими обстоятельствами. Во-первых, миграция жителей республик с гор на равнину, в том числе в крупные города, создавала возможность двойного учета населения – по месту прежнего жительства в горных селениях и по месту нового проживания, зачастую без регистрации. Во-вторых, выезд жителей за пределы своих республик не учитывался ни текущей статистикой, ни переписью. Местные власти стремятся этот выезд не замечать, что отражается на результатах переписей. Несмотря на сомнения в надежности данных переписей, Росстат вынужден на их основе корректировать численность населения многих регионов в сторону увеличения. Официальную оценку миграционной убыли невозможно считать достоверной. С 2003 г. данные о миграции на уровне всех регионов Северного Кавказа доступны, однако не вполне достоверны: согласно переписи 2010 г., население Северо-Кавказского федерального округа вновь превысило расчетные данные. Росстат пересчитал данные о составе населения в регионах с учетом переписи, списав их «послепереписное» увеличение на неучтенный миграционный прирост.

Сравнение результатов переписей в регионах Северного Кавказа с данными текущего учета показывает, что они имеют серьезные расхождения. Данные переписи 2010 г. позволяют предположить, что и в длительной ретроспективе регионы Северного Кавказа характеризовались оттоком населения. Реально устойчивый миграционный прирост имел только Ставропольский край, что также не соответствует предположению о большом миграционном приросте в республиках, якобы обнаруженном при проведении переписи. Причина сомнений в адекватности последних переписей населения на Северном Кавказе становится ясной при их сопоставлении с данными текущего учета. По регионам величина этих отклонений наиболее велика в Дагестане, население которого превысило данные текущего учета на 152 тыс. человек, Карачаево-Черкесии – на 51 тыс., Ставропольского края – на 79 тыс. Логично предполагать реальную неучтенную миграцию в Ставрополье, обнаруженную только переписью: край привлекателен для мигрантов из соседних регионов, прежде всего из Дагестана и Карачаево-Черкесии, которые часто проживают без регистрации.

Современные тренды миграции в СКФО

В статье доктора политических наук, профессора Пятигорского государственного университета М.А. Аствацатуровой и кандидата педагогических наук, доцента этого же университета Е.В. Давыдовой [1] рассматриваются современные тренды миграции в Северо-Кавказском федеральном округе с акцентированием их детерминант и факторов в этнополитическом контексте Северного Кавказа. Выявляются главные по содержанию тренды миграционных потоков в Ставропольском крае на современном этапе, дифференцируются их характер, а также цели мигрантов как из-за рубежа, так и из соседних регионов – республик Северного Кавказа. Предлагаются направления совместной работы власти и гражданского общества по оптимизации отношений сообществ СКФО с учетом проблем и рисков миграционного процесса.

Миграционные тренды на современном этапе отражают многие всеобщие социально-экономические, общественно-политические, геополитические процессы. Состоявшимся фактом является дифференциация миграционных потоков по регионам РФ, так как последние существенно различаются уровнями жизни, развития экономической и социальной инфраструктуры, а также занятости населения и степенью безработицы. В РФ имеются как трудоизбыточные, так и трудодефицитные регионы, а также субъекты и города (прежде всего, столица РФ и главные города субъектов, курортные города), которые привлекают мигрантов в силу широкого фронта реализации их жизненных стратегий. Москва, Московская область, а также такие крупные города, как Санкт-Петербург, Воронеж, Рязань, Саратов, Самара, Ростов-на-Дону, Краснодар, Волгоград, Оренбург, Астрахань образуют вокруг себя масштабные мигрантские кластеры.

В сравнении с крупными городами слаб приток мигрантов в периферийные регионы – многие республики РФ, в которых, во-первых, низок уровень экономического развития, во-вторых, слаба социальная инфраструктура, в-третьих, высока трудоизбыточность (прежде всего, за счет молодежи). К данной категории регионов РФ относятся многие регионы Северного Кавказа, в данном случае республики, расположенные на территории Северо-Кавказского федерального округа (СКФО).

Исследования миграции в СКФО как региональная миграциология стали активно развиваться с 90-х годов XX в. в связи с распадом СССР и многими постсоветскими коллизиями,

конфликтами и войнами как внутри, так и между бывшими союзными республиками – ныне суверенными государствами. В тот период Ставропольский край стал территорией интенсивной положительной чистой миграции – территорией первого убежища. Данная миграция была детерминирована угрозами, в том числе человеческой безопасности тысяч бывших граждан СССР, которые покидали места своего проживания для сохранения имущества, собственности, а часто и самой жизни. Бывшие граждане СССР превращались в беженцев, вынужденных переселенцев, временно перемещенных лиц часто без статуса, компенсационных выплат, средств к существованию и без жилища.

В 1990–2000-е годы миграция стала конфликтогенным фактором этнополитического контекста СКФО, существенно дестабилизировала ситуацию и актуализировала качество миграционной, национальной и социальной политики в СКФО. Интенсивное миграционное пополнение некоторых этнических групп и образование новых этнотерриториальных зон обострили межэтнические отношения, нанесли ущерб национальной безопасности. Миграция обострила тему межэтнического диалога по таким линиям, как славяне – кавказцы, русские – нерусские, казачество – кавказцы, казачество – коренные северокавказские народы, православные – мусульмане.

Миграция на Северный Кавказ в тот период как массовая этническая миграция проходила, прежде всего, из таких новых суверенных государств, как Армения, Азербайджан, Грузия, а также из самопровозглашенных республик – Южной Осетии и Абхазии. Отмечался некоторый приток из Средней Азии и Казахстана нетитульных этнических групп, прежде всего русских. В «русский субъект» СКФО Ставропольский край, а также в Северную Осетию-Аланию – прибыли тысячи армян, азербайджанцев, греков-цалкинцев, осетин-южан (кударцев), а также и тысячи русских.

В этот же период фактором, отражающим чрезвычайную ситуацию, стала внутренняя миграция между регионами Северного Кавказа. В Ставропольский край въехали десятки тысяч русских и иных нетитульных групп из Чеченской Республики в связи с вооруженным конфликтом и проводимыми антитеррористическими операциями в Чечне. Внутренняя миграция выражалась в двух взаимосвязанных трендах: первый – въезд в Ставропольский край большого числа представителей титульных, коренных народов Республики Дагестан, Чеченской Республики, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики;

второй – выезд большого числа русских из республик Северного Кавказа.

В этих процессах отмечались конфликты местного населения и мигрантов в ходе коммуникации, обострение межгрупповых отношений, трактовка миграции как дестабилизирующего фактора этнополитического контекста СКФО. В ходе миграции 1990–2000-х годов на Северном Кавказе состоялись такие процессы, как: интенсивное пополнение отдельных этнических групп; формирование этнотерриториальных сегментов и этнокомпактных территорий; изменение «иерархии» этносов и этнических групп; трансформация традиционного этнокультурного и этноконфессионального баланса. Обострилась конкуренция между старожильческим населением и мигрантами в сфере социально-экономических и общественно-политических отношений; сложились противоречия между «этническими новообразованиями», а также и внутри этнических сообществ.

Авторы статьи отмечают, что помимо противоречий и конфликтов, определенной дестабилизации общей ситуации, миграция в РФ на территорию Северного Кавказа породила и ряд тенденций, которые объективно можно характеризовать как позитивные. Так, Северный Кавказ стал практически единственной территорией РФ (за исключением Москвы и Московской области) существенного прироста численности населения почти на 1 млн человек в сравнении с Всесоюзной переписью 1989 г. Миграция нейтрализовала естественную убыль населения (а также и убыль из-за чрезвычайных причин – конфликты, элементы гражданской войны, террористические акты, массовые антитеррористические операции, введение режима КТО). Состоялось пополнение трудового и кадрового ресурса хозяйственного и социокультурного комплекса (сельское хозяйство, бизнес, предпринимательство, услуги, туризм, курорт, здравоохранение, образование, культура). Произошла активизация национально-культурных объединений, национально-культурных автономий, советов старейшин, домов дружбы, центров национальных культур, советов межэтнических отношений при главах исполнительной власти и местного самоуправления. Также именно массовая миграция в регион послужила организации и функционированию эффективных общественных объединений мигрантов и правозащитных организаций. Миграция на территорию СКФО извне (из зарубежных стран), а также миграция между субъектами РФ СКФО послужили активизации общественного сознания, структурированию групповых интересов.

Снижение градуса «миграционного напряжения» в РФ в целом и в СКФО в частности произошло в связи с общей стабилизацией геополитической и внутривластной ситуации на постсоветском пространстве. Состоялось исчерпание миграционного потока, как равно и исчерпание конфликтогенных факторов.

В 2010–2018 гг. межгосударственная миграция потеряла свое значение для СКФО. Она редуцировалась качественно и количественно в связи с общей геополитической ситуацией, негативной ситуацией в экономике и в финансовой сфере как мировой, так и российской. Она перестала быть заметным фактором этнополитического контекста и практически не имеет существенных следствий ни для социально-экономического развития, ни для общественно-политических отношений региона. Однако, считают авторы, было бы неверно недооценивать миграционные перемещения современности, которые все же осуществляются как извне, так и внутри Северного Кавказа. Происходят миграционные движения в особо охраняемом эколого-курортном регионе Кавказских Минеральных Вод (КМВ), который включает в себя территории трех субъектов РФ СКФО: Ставрополя, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии. При этом миграция осуществляется, прежде всего, на территорию Ставропольского сегмента КМВ – в города – федеральные курорты – Пятигорск, Кисловодск, Ессентуки, Железноводск. Во-первых, на КМВ идет заметный миграционный приток внутренних мигрантов – собственно немигрантов – граждан РФ. Они по своему правовому статусу мигрантами не являются, однако часто именно так воспринимаются местным населением. Данный приток осуществляется из соседних республик – Карачаево-Черкесии (КЧР), Кабардино-Балкарии, (КБР), а также и из Дагестана (РД) и Чечни (ЧР), которые территориально удалены от региона КМВ. Этот приток происходит, прежде всего, в Пятигорск, который является не только крупным федеральным курортом, но и с 2010 г. административным центром СКФО. Во-вторых, на КМВ идет миграционный приток внешних мигрантов – собственно мигрантов – граждан стран ближнего зарубежья. Это, прежде всего, мигранты из государств Южного Кавказа Армении, Азербайджана и Грузии. Миграция из стран Южного Кавказа происходит в медленном темпе, ее пик остался в прошлом. В-третьих, на КМВ происходит миграционный приток внешних мигрантов – собственно мигрантов – из суверенных стран Средней Азии. Это – трудовые мигранты, которых нанимают городские эксплуатационные кампании для реализации задач ЖКХ. В-четвертых, на КМВ

осуществляется миграционный приток мигрантов – собственно мигрантов – граждан Китая и Вьетнама. Их приток на КМВ связан именно с целями организации торговли, торговых точек и комплексов на оптово-розничных рынках КМВ. В-пятых, на КМВ происходит миграционный приток внешних учебных мигрантов – собственно мигрантов – абитуриентов, студентов, магистрантов – граждан зарубежных стран. Студенты из стран СНГ, а также Китая, Индии, Афганистана, Вьетнама, Египта, Франции, Италии и др. обучаются в пятигорских вузах. Зарубежные студенты посредством включения в межкультурное сообщество и в традиции общественной и культурной жизни КМВ приобретают новые компетенции толерантности, интереса к российской истории, культуре, а также интереса к культуре северокавказского регионального сообщества.

Для стабилизации этнополитического контекста СКФО, отмечают авторы, целесообразно в соответствии с рекомендациями Комиссии по миграционным вопросам и социально-культурной адаптации иностранных граждан Совета по межнациональным отношениям при Президенте Российской Федерации направить совместные усилия власти и общества на социально-культурную интеграцию граждан РФ – жителей разных регионов СКФО – представителей разных этнических сообществ.

Особенности современных миграционных процессов в СКФО

Кандидат географических наук, доцент Северо-Кавказского федерального университета И.А. Соловьев [4] на основе анализа научной литературы и официальной статистики показывает трансформации современных региональных особенностей миграционных процессов на Северном Кавказе. Исследователь выявляет долю Северного Кавказа в масштабах миграционного прироста России, его региональные особенности, а также основные причины, обуславливающие миграционную привлекательность субъектов Северного Кавказа, в том числе на уровне городской и сельской местности. На основе систематизации эмпирического материала в статье определены основные этапы миграционных процессов на Северном Кавказе в 1990–2010 гг., дана характеристика ключевых факторов, определяющих специфику динамики миграционных процессов на Северном Кавказе, выявлены самые распространенные виды миграции населения. Отмечаются региональные особенности

миграционной результативности по видам миграций – международные, внутренние и межрегиональные, а также на примере Ставропольского края рассмотрены основные страны-доноры в миграционном отношении.

Наметившиеся миграционные тенденции в последние годы СССР, обусловленные стрессовыми факторами, усилились в постсоветский период. Процессы распада государства, сопровождавшиеся возникновением этнотерриториальных конфликтов, усложнением межэтнической ситуации, а также проведением политики притеснения русскоязычного населения, способствовали росту вынужденной миграции в 1990-е годы на всем постсоветском пространстве. Во второй половине 1990-х годов произошло постепенное снижение стрессовой миграции, а в новом тысячелетии миграционные процессы стали, как и прежде, детерминироваться социально-экономическими факторами.

Актуальность исследования связана с новейшими трансформациями миграционных процессов на Северном Кавказе. Автор статьи [4] выявляет региональные особенности миграции населения на Северном Кавказе в постсоветский период. Информационную основу работы составили научная литература и официальная статистика. Основными факторами, влияющими на современные миграционные процессы на Северном Кавказе, являются геополитическое, транзитное и приграничное положения, а также уникальная этническая неоднородность, разные типы воспроизводства населения и климатические особенности.

По характеру миграционных процессов весь постсоветский период можно разделить на три этапа: первый этап включает 1990–1995 гг., в котором наблюдалась наиболее массовая стрессовая миграция; второй этап охватывает 1996–2000 гг., когда постепенно происходило снижение стрессовой миграции; третий этап начался в 2000-е годы и продолжается по настоящее время. Главная отличительная черта третьего этапа – возврат на первые роли добровольных миграций, преимущественно «сельско-городских», детерминируемых социально-экономическим развитием.

В первой половине 1990-х годов (I этап) на Северном Кавказе в условиях вынужденного характера миграций отмечался резкий рост миграции. Вследствие чего произошло увеличение до 26,8% (785,8 тыс. человек) удельного веса района в структуре общероссийского миграционного прироста. Этот феномен объясняется соседским положением Северного Кавказа по отношению ко многим бывшим союзным республикам, а также наличием здесь нацио-

нальных образований, из которых обозначился устойчивый отток русского населения. Для многих стрессовых мигрантов на их пути в Россию первыми приемлемыми регионами для постоянного места жительства были Ставропольский и Краснодарский края и Ростовская область. Отличительной чертой первого этапа являлась в условиях экономического кризиса высокая привлекательность для мигрантов сельской местности. На долю последней в общем миграционном приросте района приходилось около 2/3 (65,7%) всего показателя. Такая же ситуация наблюдалась и во второй половине 1990-х годов. По особенностям миграционного прироста внутри района обозначились две зоны – «принимающая» и «отдающая» население. В первую зону с миграционным приростом входило большинство субъектов Северного Кавказа (семь из 10). Миграционный прирост «принимающей» зоны составил более 1 млн человек. Здесь повышенной миграционной привлекательностью выделялись для русскоязычных стрессовых мигрантов субъекты с доминирующим (более 80%) русским населением – Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область, а также регионы с преобладающим (64–70%) русским населением – Адыгея. На втором этапе (1996–2000) в условиях постепенного снижения вынужденной миграции произошел значительный спад миграционного прироста (в 5,5 раза; до 142,7 тыс. человек). Ввиду этого сократился в 2 раза (до 9%) удельный вес миграционного прироста района в структуре общероссийского показателя. В «принимающей» зоне произошло увеличение удельного веса в миграционном сальдо Краснодарского края, Северной Осетии и Адыгеи. На третьем этапе (2001–2016) произошел перелом миграционных тенденций 1990-х годов. Вынужденная миграция «стихла», и главной детерминантой переселенческих потоков стала урбанизация. Городская местность и особенно крупные города стали точками экономического роста в России, что обусловило нарастание миграции по направлению «село – город». В ходе обозначившейся тенденции весь миграционный прирост на Северном Кавказе на этом этапе стал формироваться за счет городского населения. Трансформация миграции населения связана с высокой региональной поляризацией социально-экономического развития России. Незменным трендом на третьем этапе остается устойчивый миграционный отток из большинства республик Северного Кавказа (–312,2 тыс. человек). Самых больших масштабов миграционная убыль достигает в Дагестане – регионе-лидере по численности населения среди республик (3 млн человек). Интенсивный отток населения наблю-

дается в Карачаево-Черкесии и Кабардино-Балкарии, значительно он снизился в Чеченской Республике.

По характеру современной миграции населения на Северном Кавказе, по мысли исследователя, выделяется три этапа: 1) «стрессовый» (1990–1995), 2) «переходный» (1995–2000), 3) «урбанизационный» (2001–2016). В первой половине 1990-х годов в период массовой стрессовой миграции большинство субъектов Северного Кавказа обладали миграционной аттрактивностью, прежде всего регионы равнинного Предкавказья – Ростовская область, Краснодарский и Ставропольский края. По географическим особенностям формирования миграционного прироста все регионы Северного Кавказа автор делит на три группы. В первой группе сальдо миграции преимущественно складывается за счет межрегионального тренда, при второстепенной роли международной миграции (Краснодарский край, Адыгея). В Ингушетии и Ростовской области миграционный прирост приходится на международную миграцию. В остальных субъектах Северного Кавказа внутренняя миграция отличается устойчивой миграционной убылью, которая по своим масштабам перекрывает миграционный прирост международной миграции.

Численность населения в СКФО, этноконфессиональные отношения

М. Магомедова (РЦЭИ ДНЦ РАН, г. Махачкала) [2] отмечает, что в регионе Северного Кавказа проживают около 150 этносов, представляющих почти весь российский этноареал. Северо-Кавказский федеральный округ (СКФО) традиционно является достаточно сложным с точки зрения миграционной активности населения. Для России миграция становится все более значимым фактором демографического, экономического и культурного развития страны. В ближайшие десятилетия значимость миграционных процессов в масштабах государства еще более усилится. Согласно среднему варианту прогноза Росстата, сокращение численности населения РФ трудоспособного возраста к 2025 г. достигнет примерно 14 млн человек. Максимальное сокращение численности населения трудоспособного возраста произошло в период 2011–2017 гг., когда среднегодовая убыль населения этой возрастной группы превысила 1 млн человек. За период между переписями 2002 и 2010 гг. население России уменьшилось на 2,3 млн человек. По данным Росстата, общая численность населения

России на 1 января 2018 г. составляет 146 880 432 человека. Наибольший прирост населения на 1 января 2017 г. наблюдается в Центральном федеральном округе – на 105 263 человека, далее – Южный федеральный округ с ростом на 60 509 человек и Северо-Кавказский федеральный округ с ростом на 57 769 человек.

На фоне стремительной естественной убыли трудоспособного населения в России остро стоит проблема более полного использования имеющегося трудового потенциала северокавказских субъектов страны, поскольку численность населения в Северо-Кавказском федеральном округе в межпереписной период увеличилась на 0,5 млн человек. Как приграничная территория регион принимает или пропускает через себя иммигрантов из сопредельных государств, да и в пределах самого региона на протяжении последнего десятилетия отмечаются активные миграционные перемещения собственного населения. Отдельные субъекты Федерации стали центрами притяжения и концентрации внутрироссийских мигрантов (Краснодарский и Ставропольский края, Ростовская область), а иные территории – главными источниками «выброса» мигрантов (Республика Дагестан, Северная Осетия–Алания, Чеченская Республика). Именно в «русские» субъекты Северного Кавказа выехала и продолжает выезжать значительная часть мигрантов, в том числе беженцев, вынужденных переселенцев, в частности из Азербайджана (армяне, курды), Узбекистана (турки-месхетинцы) и Чечни (русские, чеченцы и др.). Если миграционный отток населения из республик Северного Кавказа вызвал процесс «суверенизации», обострения межнациональных отношений, то следствием значительного миграционного притока населения в «русские» субъекты региона стал значительный рост в этих субъектах межэтнической напряженности. Межэтнические отношения в Краснодарском и Ставропольском краях и Ростовской области характеризуются сегодня ярко выраженными ксенофобией не только коренного населения, но и властей этих субъектов по отношению к мигрантам, особенно к вынужденным переселенцам и беженцам из числа так называемых «лиц кавказской национальности». Очень сильны в этих субъектах региона антиармянские и античеченские настроения, неприязнь к туркам-месхетинцам.

Общий прирост населения по итогам 2017 г. в России составил свыше 250 тыс. человек только за счет миграционного прироста. Северокавказские республики традиционно показывают стабильно высокий процент естественного прироста. Среди титульных этносов республик Северного Кавказа значительный рост численности

населения отмечается в Республике Дагестан: кумыки (19%), даргинцы и лезгины (15), ногайцы и лакцы (14%).

Что касается миграционного оттока русских и населения других нетитульных национальностей из республик Северного Кавказа, то у них, наряду с причинами экономическими, имели место и причины этнического характера. Республиканская и центральная власти старались не замечать этнических причин миграционного оттока из республик Северного Кавказа, объясняя усиливающуюся миграцию только экономическими причинами. Эти причины, отмечает исследователь, безусловно, присутствуют в миграционных установках, но они не являются решающими в принятии решения о переезде в другие «русские» субъекты РФ. Основная часть населения, покидающая северокавказские республики, выезжает в основном в Ставропольский и Краснодарский края и Ростовскую область. Следующим по привлекательности регионом для уезжающего из республик Северного Кавказа населения (вне зависимости от этнической принадлежности) является Центральный регион РФ, в частности Москва и Московская область. Миграционный отток населения республик региона в целом в указанные субъекты РФ составляет порядка 25% всего миграционного оттока населения из этих республик.

Основная цель миграционной политики на Северном Кавказе связана с обеспечением управляемости и предсказуемости миграционных процессов в регионе с особым геополитическим статусом – южного приграничья страны, имеющего выход в Закавказье, в Черноморский бассейн и на Ближний Восток. Концепция в отношении внутренней миграции, по мысли автора, должна строиться на создании условий для прекращения оттока и притока в республики русского населения, переориентации миграционных потоков на потребности социально-экономического развития регионов.

Русское население республик Северного Кавказа расселено в основном в городах, прежде всего в столицах. Удельный вес горожан в численности русского населения указанных республик составлял в 1990-е годы от 58 до 85%. В настоящее время этот показатель несколько ниже, так как миграционный отток горожан-русских из республик региона выше, чем у жителей сельских населенных пунктов. Основная часть русского сельского населения северокавказских республик живет в «русских» районах. Эти районы, или значительная часть населенных пунктов, в результате неоднократных территориальных перекроек были преобразованы

в «русские». Это Кизлярский и Тарумовский районы в Республике Дагестан, Сунженский, Шелковской и Наурский – в Чечено-Ингушетии.

Интенсивный миграционный отток русскоязычного населения из республик Северного Кавказа негативно влияет на целые отрасли экономики и замедляет их социально-экономическое развитие. Подобная «этническая» составляющая миграционных потоков усиливает этническую изоляцию регионов, что может привести к неблагоприятным для страны геополитическим и этнополитическим последствиям. В этих регионах необходимо ликвидировать или, по крайней мере, минимизировать условия возникновения вынужденной миграции путем стабилизации этнополитической обстановки, урегулирования кризисных ситуаций, предотвращения межнациональных конфликтов.

Заключение

На современном этапе незначительное число внешних мигрантов не влияет существенно на содержание этнополитического контекста СКФО. Заметное влияние на этот контекст оказывает внутренняя миграция, имеющая однонаправленный характер, т.е. перемещение в Ставрополье граждан РФ из республик РФ СКФО – Чеченской Республики, Республики Дагестан, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики и др. Для самих же республик РФ СКФО – Чеченской Республики, Республики Ингушетия, Республики Дагестан, Республики Северная Осетия – Алания, Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики – проблема миграции как проблема прибытия иностранных и российских граждан практически не имеет актуальности. Это объяснимо в силу трудоизбыточности данных субъектов.

Однако в отдельных случаях проблема миграции и социально-культурной адаптации и экономической реабилитации иностранных граждан актуальна для республик, а именно: для Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии – репатриация соотечественников и этнических сородичей из Турции, Сирии, США, некоторых стран Европы и др.; для Северной Осетии – Алании – миграция осетин-южан из самопровозглашенной Республики Южная Осетия. Межрегиональные перемещения представителей титульных народов Северного Кавказа (из республик в направлении Ставрополья) обостряют конкуренцию и противоречия в сфере собственности,

занятости, политики и управления, а также в социокультурной сфере. Очевидно, что именно внутренняя миграция в этнополитическом контексте СКФО актуализирует реализацию государственной национальной политики и государственной миграционной политики в нейтрализации и профилактике:

- конфликтных ситуаций, взаимных негативных этнических стереотипов, экстремистских настроений на основе национализма и ксенофобии, прежде всего, в среде молодежи;

- реполитизации («новой политизации») деятельности отдельных национально-культурных организаций, этнических конгрессов и форумов;

- геополитизации межэтнических отношений в силу событий на Украине, Турции, Сирии, Ираке, Иране, Афганистане, Армении, Азербайджане и др.;

- распространения в сообществах СКФО нормативов и норм шариата в замещении светского права и законодательства РФ;

- этнизации и конфессионализации доктрин и практик политики и управления в противовес светскому характеру организации власти.

Список литературы

1. *Аствацатурова М.А., Давыдова Е.В.* Современные миграционные процессы в этнополитическом контексте СКФО // Миграция и межнациональные отношения в современной России. Материалы Международной научно-практич. конференции: Миграция и межнациональные отношения в современной России. 27 сентября 2018 г. М.: Литера, 2018. Т. 17. № 1. С. 16–31.
2. *Магомедова М.З.* Региональные особенности миграционной ситуации на Северном Кавказе // Евразийское научное объединение. М., 2018. № 10-3 (44). С. 164–166.
3. *Мкртчян Н.* Миграция на Северном Кавказе сквозь призму несовершенной статистики // Журнал исследований социальной политики. Т. 17. № 1. М., Выш. шк. экономики, 2018. С. 8–13.
4. *Соловьев И.А.* Региональные особенности миграционных процессов на Северном Кавказе // Географический вестник = Geographical bulletin. Пермь, 2018. № 1 (44). С. 49–55.

*Статья написана специально
для бюллетеня «Россия и мусульманский мир»*